

Вячеслав Тебенко

**Предпоследний
шelf. Седьмой пункт**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
Т29

Тебенко В.

Предпоследний шельф. Седьмой пункт / Тебенко В.; ред.
Генделева Ю. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 218 с.

ISBN 978-5-532-93246-3

Где находится край света? Два континента смотрят на восток: там заканчивается земля и начинается океан, который вовсе не думает покоряться прогрессу. Напротив, он бросает вызов той части человечества, которая волею судеб населяет приграничье Большой земли и океана. Стихия не смотрит на границы, альянсы, международные отношения, но порой открывает самые лучшие качества народов, наций и каждого человека Содержит нецензурную брань.

Содержание

Сейсмический анонс	4
Задачи завтрашнего дня	115
Белые журавли	196

Сейсмический анонс

Старенький телефон настойчиво потребовал абонента незатейливым звонком. Пора бы уже купить какой-нибудь «панасоник», помелодичнее. Хозяин неспешно подошел к аппарату. На секунду задумался: «Кому еще понадобился субботним вечером? Выходной, праздник завтра... Ладно».

– Алло, слушаю вас.

В трубке послышался треск, а затем стали говорить:

– Здорово, Камчатка, не узнал? С наступающим! Не узнал?

– Серега, ты, что ли? Богатым будешь, – радостно ответил абонент.

– Ага, признал товарища. Ну, как ты там, что там, рассказывай.

– Да все по-старому: служба, семья, дети, заботы, от получки до получки.

– Все старлеем?

– Так точно, но обещают через пару месяцев добавить звездочку.

– Лучше бы они зарплату добавили, Николай, – рассмеялись на другом конце провода.

– Не будем о грустном. Жена всю плешь проела, уехать хочет, а куда ехать – по всей стране бардак. Ты откуда звонишь, Серега, где устроился вообще?

– Знаешь, пробовал на материке прижиться, в большом городе, но назад тянет. На Сахалине я – нефть добываем.

– О, так я говорил – богатым будешь!

– Богатым не богатым, а с деньгами проблем нет. Может быть, к нам? Хватит уже на вулканах жить.

– Сахалин большой.

– А Нефтегорск наш совсем маленький, живем как большая семья.

– Серега, с праздником, завтра же День пограничника!

– Да, Коля, поздравляю, поэтому и звоню. Эх, не думал я, что службу придется бросить, недавно казалось: знамя, отряд, «граница на замке». Эх. Но завтра мы тут с ребятами отметим – на природу

поедем, есть тут у меня компания, тоже из наших: два майора и один прапорщик.

В трубке вновь послышался треск. Связь куда-то пропадала, а затем и вовсе оборвалась. Николай положил трубку; номер друга он спросить не успел. Впрочем, найти его в небольшом поселке нефтяников – дело несложное. «Может быть, к нам» – эта фраза засела у него в голове: он уже много думал о переезде. На Камчатку он ехал молодым офицером пограничных войск СССР, семейный человек, жена – учитель начальных классов. Через год-другой планировали вернуться на «большую» землю – в его родной Брест, Белоруссию; рядом Смоленск, откуда родом Ольга. Получилось несколько иначе: он прослужил больше года, распался Советский Союз, какой стране он присягал, стало неясно. Люди, еще недавно состоявшие во всевозможных ВЛКСМах, КПССах, объявили армию наследием тоталитарной эпохи и поспешили выбросить красные знамена из истории, из жизни. Потом первая волна неразберихи прошла, появилась какая-никакая ясность, а вместе с ней и границы новых суверенных государств. Вчерашние сослуживцы, выпускники училищ погранвойск, встали по разные стороны границ. Разумеется, эти «границы» воспринимались ими как некая декорация политических спектаклей, казалось, что вот-вот весь этот бред закончится и наконец-то «наведут порядок». В головах никак не укладывалось, что родители оказались в другой стране, и на лесных дорогах-тропах брянских лесов, где деды-партизаны отчаянно сопротивлялись фашистским захватчикам, внуки охраняют границы трех новоявленных государств и благо пока еще не смотрят в прицел друг на друга, а на Кавказе идет самая настоящая война. Все это было там, на материке, а здесь, на Камчатке, было тихо, разве что землетрясения, большие и маленькие. Николай посмотрел: на столе лежала книжка «Землетрясение будет завтра», дальневосточные ученые специально написали книжку-пособие для жителей Камчатки на случай землетрясений. Большая тема, жена уже несколько раз устраивала скандалы. Последний был в январе, когда семья смотрела новости японских каналов о землетрясении в Кобе, потом заговорили о возможных землетрясениях на Камчатке, Курилах, старожилы припомнили большое

цунами в ноябре пятьдесят второго года, когда в считанные часы смыло советский городок Северо-Курильск. Местные жители понимали, что инструктаж вовсе не для галочки. Ольга уговаривала, нет, требовала уехать из сейсмоопасной зоны на материк, а еще лучше домой. Однако Николай уезжать не хотел: природа Камчатки, океан, вулканы, сопки, тайга прочно заняли место в его сердце, а его двое маленьких детей уже становились «камчадалами», или, как их называли в Белоруссии, «камчатниками». Как быстро время летит: гласность и перестройка канули в лету, май девяносто пятого года, совсем другая жизнь, другая страна...

В эфире, конечно, творилась полная неразбериха: авиадиспетчеры спрашивали все борта, находящиеся в воздухе, есть у них пострадавшие или раненые на борту, и заводили такие самолеты на посадку в первую очередь, самолеты и вертолеты сажали в Хабаровске – в Южно-Сахалинске места для стоянки авиамашин не хватало. Спасатели, военные, геологи, нефтяники – осознание того, что произошло, приходило не сразу. Постоянно прибывали добровольцы, откуда они брались, толком никто не мог понять. Несколько мальчишек буквально вытолкали из вертолета. «Погорели» они на форме: один из эмчезовцев обратил внимание, что трое срочников почему-то в двухцветном камуфляже, такой был только у пограничников еще из старых запасов. Сейчас солдат одевали в трехцветку или хэбэ, а у этих добротный камуфляж. Десятиклассники, 1979 года рождения, им бы нужно было держаться по одному, тогда бы добрались. Домой не отправили, работы хватало и в аэропорту. Мужчина в форме с шевроном пограничных войск отчаянно пытался проникнуть в вертолет, что-то доказывая спасателям, его захлестывали эмоции.

– Да не могу, не могу я тебя взять, у меня перевес, ты понимаешь – перевес, жди вертолета, самолета. Не знаю, у всех ситуация, – командир группы опустил руки на плечи военного и развернул его обратно, времени на дискуссию не было. Военный потопал назад:

- Ничего, будем прорываться на следующий борт.
К нему подошел интеллигентного вида молодой человек:
– Вы доброволец?
– Я? Да, – как бы растерянно произнес военный. – Сюда добрался на перекладных, друг у меня в Нефтегорске, может, дождусь – пограничники полетят, тогда точно возьмут.
– Возьмите меня, мне нужно позарез в Нефтегорск. Изучить ситуацию на месте.
– Спасатель?
– Нет, геофизик, вулканолог.
– Ну, геофизиков там как раз сейчас не хватает.
– Поймите, – произнес ученый, – мы несколько лет работали над прогнозированием землетрясений на Камчатке и Дальнем Востоке, десятки статей, все предсказывали эпицентры. Северная часть Сахалина не считалась сейсмоопасной зоной, а теперь такая вот трагедия. Почему? В чем причина, какие тектонические сдвиги произошли, разломы? Это необходимо знать.
– Думаете, пострадавшим станет легче? – военный едва сдерживал себя.
– Дело не в этом. Вероятно, это землетрясение не единственное на острове, а расселить Сахалин и Камчатку в палатки невозможно, как вы понимаете.

Николай съезжился: действительно, второе крупное землетрясение в регионе за полгода. На Камчатке у него жена и двое детей: несколько секунд, и все, не успел – значит, опоздал. Жители промыслового поселка встретили трагедию ночью в собственных постелях. Не все успели воспользоваться секундами, отведенными судьбой.

Люди прибывали. В толпе выделялись отдельные группы; нельзя было не заметить нескольких лиц, как принято было говорить, «кавказской национальности» и среди них молодую женщину: видимо, тоже хотели улететь или встречали спецборт. Николай невольно слышал обрывки фраз. Семь лет назад они сами пережили подобную трагедию, пытались спасти своих близких, потом, как и тысячи земляков, разъехались в разные концы необъятного Советского Союза.

Сейчас эти люди совершенно искренне хотели помочь пострадавшим.

– Доктора, медсестры свободные есть? Доктора, медсестры, фельдшеры есть? – Мужчина лет пятидесяти восточной внешности расхаживал по терминалу.

Николай и его спутник мгновенно переключили внимание на товарища в форме МЧС.

– Давай, может, сойдем за добровольцев-медиков, авось полетим? – предложил Николай.

– Мы медики-добровольцы из Хабаровска, наш рейс ушел час назад, мы готовы лететь, – машинально соврал пограничник.

– Мне нужно несколько человек, нам обещали, но они задерживаются. У меня вылет через тридцать минут. Людей нет, ждать никто не будет.

Лица кавказской национальности тоже поспешили к эмчезовцу:

– Возьмите, нас четверо, женщина – врач, я тоже врач, а эти двое, – он указал на своих спутников, – они в восемьдесят восьмом году завалы разбирали, не подведут.

Старший прапорщик обвел взглядом новоявленных спутников, махнул рукой:

– Пошли, некогда с бумагами возиться, каждый час на вес золота.

Документов никто не спрашивал, в чрезвычайных условиях трагедии люди действовали быстро, порой спонтанно. Регламентировать процесс не было возможности, да никто и не пытался разводить лишнюю бюрократию.

– Я старший прапорщик МЧС Иван Мацудов. Значит, присоединяетесь к нашему спасательному отряду, строго выполняйте мои распоряжения, без самостоятельности, по прибытии на место не разбредаемся. Пока будем лететь, запишем ваши данные. Обязательно оставьте контакты родственников, мало ли что.

Через полчаса добровольцы уже летели с профессиональными спасателями к Нефтегорску, вернее, к тому месту, где полтора суток назад был городок нефтяников.

В вертолете стали знакомиться. Возглавившего группу спасателей Ивана Мацудова, не сговариваясь, признали лидером и новопри-

бывшие. Слово за слово завязалась беседа, тема только одна: землетрясение, жертвы, поиск, спасение, причины.

– Ждали удара где угодно, только не на севере Сахалина, – недоумевал Владимир Никитенко. – Вообще не сейсмоопасная зона, прозевали ученые, прозевали.

– Землетрясение может быть не последним, – строго произнес Иван Мацудов, – стихия не знает жалости и границ, вполне вероятно, что одним ударом дело не ограничится.

– Где еще? На Камчатке ждут, – нервно спросил Владимир.

– Не об этом я, ребята, – азиатский взгляд Мацудова стал сосредоточенным. – Цунами, цунами – вот чего я боюсь.

– Цунами нам не страшны, это Азии нужно бояться, наш Дальний Восток прикрывают Япония и Курилы, – пояснил кто-то из спутников.

– В Японии, по-вашему, не люди? А Курилы? Эх, молодые люди, много в нашей стране секретов было, вы, наверное, и не знаете про цунами 5 ноября 1952 года, когда по Курильской гряде прошла гигантская волна. Говорить о трагедии было не принято, данные засекретили, вспоминали об этом лишь на Курилах, Сахалине и Камчатке. Это сейчас гласность и демократия, скоро вон Ленина понесут из Мавзолея. – Иван Мацудов как будто хотел выговориться перед молодыми людьми. – У нас и Японии одна общая проблема – цунами и землетрясения. В январе сего года потрянуло японский город Кобе, в том году Курилы, досталось Шикотану – еще и цунами. В девяносто первом году, в марте, мощное землетрясение произошло на Камчатке, в Корякском автономном округе¹

– В смысле – мощное? – переспросил пограничник.

– В том смысле, что бахнуло будь здоров, – ответил Мацудов, – баллов семь-восемь по шкале товарища Рихтера, но без жертв. Хотя чему там рушиться, плотность населения – ноль целых и ноль деся-

¹ Землетрясение в Кобе произошло 17 января 1995 года (6500 погибших); Шикотанское землетрясение – 4 октября 1994 года (десять погибших), после землетрясения произошло цунами; Хаилинское землетрясение в Корякском автономном округе магнитудой семь баллов – март 1991 года, обошлось без жертв.

тых на квадратный километр. Две избушки потрясло, поэтому и не говорили особо.

– Еще было землетрясение в Лесогорске, здесь, на Сахалине, – подхватил молодой ученый, – это в четырехстах километрах от Нефтегорска. Обошлось без жертв. А теперь вот такая беда.

– Сейсмоопасная зона у нас, что поделаешь.

– А у нас – это где, на Курилах, Камчатке, в Хабаровске или на Сахалине? Расстояния сами знаете какие!

– Вообще, все, что на границе материка и Тихого океана, – это сейсмоопасная зона. Бери карту и черти прямую линию от Окинавы до Командорских островов, вот тебе и зона землетрясений, – спокойно пояснил Мацудов.

– Почти согласен, – как бы вынужденно отозвался ученый. – Понимаете, есть так называемые сейсмофокальные зоны.

– Погоди, что значит «сейсмофокальные»? – не понял один из добровольцев.

– В Магадане зона тоже есть, – слышался чей-то голос с хрипотцой.

Ученый выдержал паузу, потом продолжил:

– На границах континентальной и океанической литосферных плит, то есть там, где заканчивается материк Евразия и начинается Тихий океан, происходит конвергация плит – это и есть сейсмофокальная зона.

– Что еще за конвертация?

– Не конвертация, а конвергация. Это сближение. Такой процесс, когда океаническая плита как бы погружается под материковую. Область вокруг этого взаимодействия – это как раз и есть сейсмофокальная зона, где происходит магматическая и тектоническая активность, то есть землетрясение. Ширина таких зон – от нескольких сотен километров, а глубина – до восьмисот километров.

– Так, и что происходит дальше? – спросил кто-то из спасателей.

– В этих зонах как раз находятся гипоцентры землетрясений. Чем меньше глубина землетрясения, тем оно ощутимее. Землетрясения идут цепочками, первую обнаружил и опубликовал в 1935 году япон-